Константинова В.А., Ночвина Б.А.

Истоки концепта легитимности в национальной политической традиции Японии

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»
(Россия, Нижний Новгород)

doi: 10.18411/lj-05-2020-241

idsp: ljjournal-05-2020-241

Аннотация

В данной статье автор рассматривает исторический путь концепта легитимности в Японии. Современный образ Страны восходящего солнца как самой безопасной в мире, а ее граждан – как самых законопослушных в мире, привлекает внимание многих исследователей к этой стране, поэтому автор считает важным исследовать истоки, развитие и объемы законотворчества, а также становление менталитета законопослушания.

Ключевые слова. легитимность, концепт легитимности, Япония, история, история Японии, политическая традиция Японии, легитимность в Японии

Abstract

The author in this article looks into the depths and history of the legitimacy concept in Japan. This country is often pictured as the safest, while its citizens as the most law-abiding people in the world. Therefore, the author finds it important to investigate into the matter of headspring, development and extent of lawmaking, and formation of law-abiding mentality in Japan.

Keyword. legitimacy, legitimacy concept, Japan, history, history of Japan, political traditions of Japan, legitimacy in Japan

Сегодня Япония многим известна, как одна из самых безопасных стран мира, где все граждане беспрекословно повинуются букве закона, а преступлений днем с огнем не сыщешь. Конечно, современной Японии не чужды человеческие пороки, и все мы можем привести в пример якудза, ярких представителей криминального мира нашего времени. Однако, они скорее являются исключением, и страна восходящего солнца может похвалиться низким уровнем преступности и высоким уровнем законопослушности. Но всегда ли это было так?

Официальное начало законотворчества в Японии можно соотнести с появлением во второй половине VII в. термина «рицурё-кокка», который буквально означает «государство, опирающееся на законы». Реформы Тайка, в результате которых сложилась система «рицурё-кокка», во многом копировали заимствованные китайские законы эпохи Тан (VII – X вв.), а вместе с ними и китайский образец идеального централизованного государства. Уважение к установленным законам и легитимности власти можно в некоторой степени проследить уже с этого момента, потому что законодательные своды VIII в. формально являлись главенствующими на протяжении практически тысячелетия вплоть до эпохи Мэйдзи (1868 – 1912 гг.), а все последующие акты являлись дополняющими. Основы японской государственности были описаны в двух законодательных сводах «Тайхо рицурё» и «Ёро рицурё», оба состояли из уголовного и гражданского кодекса лишь с некоторыми отличиями. Так как эти кодексы копировали китайское законодательство, реальная практика их применения осложнялась уже устоявшимися японскими традициями, например, статьи уголовного кодекса шли вразрез с нормами обычного права того времени, поэтому уголовный надзор чаще всего осуществлялся напрямую представителями правительства и обществом. Гражданский кодекс был приспособлен к местным условиям. Законодательные своды регулярно корректировали, чтобы они отвечали меняющимся

условиям жизни страны. Корректировки, однако, не вносились в основной текст, а выпускались в виде дополнений и руководств по их применению.

В то же время начала развиваться система чиновничества и рос бюрократический аппарат. Заимствованная из Танского Китая система обучения чиновников позволила обеспечить укрепление иероглифической письменности и дальнейший прогресс законодательства, документальные источники в основном записывались на китайском языке. Для японского чиновничества была характерна активная письменная коммуникация, доказательства которой сохранились на деревянных дощечках «моккан». Они содержали самые различные сообщения от вышестоящих чиновников нижестоящим и наоборот, будь то донесения, запросы, послания, удостоверения, разрешения и многое другое. Уровень развития чиновнического аппарата должен было отвечать требованиям правительства и его идеалам законопослушного государства.

Формирование военного сословия из объединявшихся групп крестьян потребовало своевременных нововведений, а участвовавшие военные конфликты и борьба за земельные владения показывали необходимость установления контроля над территорией. В эпоху Хэйан (794 – 1184 гг.) появились несколько должностей, которые отвечали за разрешение спорных ситуаций и регулирование во время военных конфликтов. Это было начало установления системы взаимоотношений между центральной властью и провинциями, должность «дзито», которая появилась в это время, просуществовала до падения власти сёгуна в 1868 г. К «дзито» обращались для судебного разбирательства или разрешения тех или иных споров, служащий на этой должности также возглавлял администрацию и осуществлял поддержание инфраструктуры. Впоследствии появилась должность «сюго», который отвечал за набор воинов-сторожей и поддержание порядка в провинции.

Эпоха Эдо (1603-1868 гг.) славится самым большим количеством изданных юридических документов, законодательство там понималось в самом прямом смысле этого словосочетания. Начало этому положил первый сёгун (правитель) эпохи Токугава Иэясу. Он быстро понял, что контроль военного сословия является первостепенной задачей фактического правителя. Перед смертью он составил свод правил для самураев – главного инструмента правительства в претворении в жизнь своих законов и умирении недовольств.

Букэ сёхатто (Княжеский кодекс) 1616 г. поначалу состоял всего из тринадцати статей. Иэясу в основном давал наставления для военных высших рангов – даймё (землевладельцев) – о том, как следует управлять княжеством, что делать с нарушителями закона, как вести себя подобающе представителю высшего сословия. Его разрешение своим наследникам вносить изменения в этот кодекс и стало отправной точкой плодородного законодательства последующих сёгунов. Расчет был на то, чтобы эффективно использовать военное сословие для контроля остальных сословий. Для этого нужно было сначала подчинить самих воинов, которые после эпохи кровопролитных междоусобиц не намеревались опускать мечи.

Первыми под жесткую руку сёгуна попали крупные землевладельцы с собственными армиями и доходом. Даймё буквально должны были находиться под присмотром, для чего они раз в год командировались столицу Эдо и проводили там определенное время, а при возвращении в собственные владения должны были оставлять семью в столице в качестве заложников-гарантов лояльности и повиновения сёгунату. Эта система называлась «санкин котай» и стала обязательной для всех даймё именно в эпоху Эдо. Регулярные переезды требовали строительства резиденций в столице, денежные средства уходили на дорогу и содержание заложников, но это давало стабильную базу для централизованного управления. В такой период, как Эдо, многие феодалы не могли позволить себе лишние денежные расходы, потому что из-за усиления налогового гнета крестьяне бежали с полевых работ и обрабатывать земли

становилось все сложнее. Так постепенно правительство лишало возможных оппозиционеров в лице всех подданных материальной и военной опоры.

Кодекс Букэ Сёхатто устанавливал особые правила для даймё, являющихся на службу. Необходимо было контролировать любых военных людей, входящих в столицу, потому что для бакуфу всегда существовала угроза мятежа, против устранения которой было потрачено очень много ресурсов. Правительство понимало, что чрезмерная концентрация людей, владеющих силой и оружием, могла привести к нежелательным последствиям, поэтому статья 9 устанавливала ограничение для этого количества. Примечательно, что это ограничение впервые было упомянуто в одном из самых первых японских письменных памятников, Нихонги, который датируется 8 в. Токугава Иэясу приводит цитату оттуда в своем документе, поясняя ее содержание.

Большинство японских средневековых замков было построено именно в эпоху Эдо, но они должны были строго соответствовать критериям, изложенным в некоторых пунктах того же кодекса. В тексте правительство дает объяснение причины установления таких жестких канонов: «высокие стены и глубокие рвы – причина крупных переворотов». Правила были направлены не только на то, чтобы выработать систему сдерживания военной силы, но и дать представление о нравственных истоках необходимости их установления. Многочисленные ограничения, которые кодекс накладывал на строительство замков, давали самураям четко понять, что они находятся в подчиненном положении и должны служить правительству.

Кодекс был эффективным инструментом управления главным сословием, но не единственным. Моральное наставление следовать правилам прививалось через кодекс Бусидо, являвший собой синтез правил и нравов конфуцианства, буддизма и синтоизма.

Военные силы непосредственно участвовали в проведении полицейского контроля в эпоху Эдо, хотя сам институт в то время еще не оформился окончательно. Пост градоначальника был очень престижным для самурая, хоть занимали его прямые вассалы сёгуна низших рангов, получать они могли на этом посту до 3000 коку (коку – единица количества риса, выплачиваемого самураям в качестве зарплаты), что соответствовало доходу землевладельца-даймё. Он регулировал работу всех подчиненных лиц и следил за порядком. Градоначальникам подчинялись ёрики, которые занимались контролем конкретного городского квартала. Пост ёрики в столице занимали целые династии, обучение сына отцом-ёрики начиналось с 13 лет. Подчиненные ёрики, компаньоны-досин, зачастую являлись родственниками первому. Они ближе всех были к населению, так как каждый день патрулировали улицы столицы и носили для этого специальное оружие – металлическую дубинку, которую удобно было применять для обезоруживания самих самураев с мечами.

Еще одним интересным документом, наставляющим аристократию на правильный путь, был Сёси-хатто (Дворянский кодекс), направленный на самураев-подчиненных. Сразу в нескольких статьях говорится о том, что в случае возникновения чрезвычайных ситуаций вмешиваться рядовому самураю можно только если поблизости нет вышестоящих лиц, которые должны заниматься урегулированием таких случаев. Статья 10: «если вдруг ... во дворце вспыхнет ссора, то вмешаться должен только ближайший дежурный гвардеец (бан)». Статья 11: «если вспыхнет пожар, то, кроме чиновников (якунин) и тех, кому разрешено, никто не должен бежать и собираться у места пожара». Правительство пыталось показать необходимость порядка в любой ситуации, чтобы каждый знал свое место, нужно ему вмешиваться или нет. В этом же кодексе правительство делает первые шаги к повышению сознательного отношения к преступности и участию в сохранении общественного порядка. «Если увидишь, что дело может кончиться плохо, надо вмешаться, чтобы не допустить преступных действий». Сложно, конечно, утверждать, что все это беспрекословно соблюдалось, ведь преступления совершались, и далеко не каждый самурай был примером идеального подданного.

Самураи, которые носили за поясом два меча, олицетворяли собой пример идеального воина, нечестная игра с которым могла стоить жизни. Остальные сословия, особенно крестьяне, прекрасно это понимали. Воины, населявшие всю территорию страны, были залогом безопасности того времени, а почтительное и боязливое отношение к ним остальных сословий становилось залогом законопослушания. Со сменой эпох этот факт не изменился, правительство и полицейские структуры как следующей эпохи Мэйдзи, которая положила начало формированию полицейского аппарата в стране, так и последующих эпох состояли из бывших самураев или их потомков. Это было вполне логично, потому что военное сословие и до этого выполняло работу по регулированию криминальной жизни в стране, и не за чем было поручать ее людям без подобного опыта.

Ставленники правительства на руководящих постах все еще были верны прошлым традициям и моральным нормам, поэтому выстраивали частные вертикали власти в каждом министерстве и учреждении согласно принципу почтения младшего к старшему, который до сих пор главенствует в японском менталитете.

Так развивалась идейная основа взаимоотношений представителей власти и общества в Японии. Возможно, на формирование высокого уровня легитимности власти в этой стране повлияла не только кропотливая работа по снижению криминализации и вовлечению граждан в охрану общественного порядка в наше время, но и исторический путь развития японского менталитета.

1. Жуков А.Е. История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г. М.: Институт востоковедения РАН. 1998. 659 с.
2. Иногути Такаси. Нихон сэйдзи бунка : [Политическая культура Японии] // Иногути Такаси. Сэйдзи рирон : [Политическая теория] 2017. Ежегодник Японии. 2017. с. 76-96.
3. Петиционное движение в Японии во второй половине XVII - начале XVIII вв. / Перевод Г.И. Подпаловой. М.: Издательство восточной литературы. 1960 г. 178 с.
4. Ханин С. В. Особенности партнерских отношений между полицией и обществом в странах романо-германской правовой системы (на примере Германии и Японии). Электронный научный журнал. 2015. Вып. 4. с. 1-3.
5. Ч. Данн. Повседневная жизнь в старой Японии. М.: Муравей. 1997. 268 с.

Савченко Р.А.

**Результаты боевой деятельности подводных лодок военно-морского флота СССР
в годы Великой Отечественной войны**

*ГАПОУ «Набережночелнинский технологический техникум»
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-05-2020-242

idsp: ljjournal-05-2020-242

Аннотация

В статье анализируется эффективность боевого применения советских подводных лодок в период Великой Отечественной войны. Рассмотрены основные типы отечественных субмарин, количество подлодок участвовавших в боевых действиях и потерянных в результате противодействия противника. Подробно исследуется урон, который советские подводники нанесли транспортным и боевым кораблям врага. Указаны основные причины не высокой результативности подлодок. Делается вывод о том, что в сложившихся условиях советские подводные лодки действовали с максимальной эффективностью.

Ключевые слова: подводная лодка, флот, торпеда, мина, море, экипаж.